

место Иисуса Христа в творчестве Бунина занимает библейский страдалец Иов» (выделено автором. — Т. Ж.).

Образ Иова, бесспорно, волновал Бунина. Необычайно чуткий к боли, своей и чужой, он мог и возроптать, как Иов, на ее скрытый от взора источник. И склониться перед непостижимо прекрасным устройством мироздания, отдав должное гению Устроителя. Но с сутью приведенной тирады не могу согласиться! Ни в той ее части, что касается нравственности, ни в других ее частях. Ни один персонаж ни Ветхого, ни Нового Заветов занять место Христа не может по той простой причине, что они — человеки, а Он — Бог... Бунин стоял на христианской вере твердо как на камне. Сам автор книги приводит много тому стихотворных и прозаических доказательств. Другое дело, что бунинская природа была уникальна. Он в самом деле как мало кто чувствовал первостихии природы, ощущал первоначальный хаос, «*бездны неба и океана*». Говоря об «имманентности» бунинского Бога миру (посюсторонности), исследователь цитирует стихи 1906 года:

Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут Богом — жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою всемирною Душою...

И вслед за этим — стихотворение, написанное 18 лет спустя, в эмиграции:

Но что есть Бог? Кто он, несметный днями?
Он страшен мне. Он слишком величав
И слишком необъятен. Он молчанье;
Он штиль морей и пыль сожженных трав...

Великолепные цитаты! Поэт и его интерпретатор, скорее вольно, чем невольно, обращаются к образу Бога, действительно, имманентного творению. В Ветхом Завете можно найти много подобных самохарактеристик. Скажем, во Второзаконии Творец вселенной говорит о Себе Моисею: «...*Бог ваш есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный...*» (Втор 10:17)... И слово «бездна» встречается в первой части Библии гораздо чаще, чем во второй. В моей книге «Ум ищет Божества» (М., «Русский писатель», 2006) в главе о Тютчеве читатель найдет много цитат с «бездной», которые в свое время я выписала из Ветхого Завета. То же независимо от меня сделал в монографии о Бунине Г. Карпенко. Но при чем тут *нужда* в «ветхозаветном мироощущении», о которой он пишет выше? Скорее наоборот. Такое мироощущение, в большей или меньшей степени, присуще от рождения каждому человеку, тем более художнику крупного масштаба. *Нуждаемся* же мы для свершения каждодневного подвига жизни, чей вектор устремлен либо вверх, либо вниз, в чем-то упорно противостоящем, о чем не уставали размышлять великие религиозные философы...

О человеческом духе, скованном плотью, о Творце земли и неба, который «*лишь творит, чтоб без конца творить*», создает новые миры из обломков старых, а посему не созидатель, а разрушитель, рассуждает Люцифер в блестяще переведенной Буниным (1903) мистерии Байрона «Каин». Насколько знаменит бунинский перевод «Гайаваты», настолько малоизвестен его грандиозный труд в соавторстве (не убоюсь этого слова!) с великим английским поэтом.